

Николай Лесков

Легенды о совестном Даниле

Николай Семёнович Лесков

Легенды о совестном Даниле

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4721313*

Аннотация

В основу повести положен сюжет древнерусского Пролога. Первая публикация имела примечание автора:

«При обозрении книг древних Прологов, с целью определить содержащийся в них повествовательный материал, которым нынче интересуются, я нашёл в этом старинном источнике ровно сто тем или «прологов», более или менее удобных для литературного воспроизведения...»

Содержание

Примечания

30

Николай Семенович Лесков

Легенды о совестном Даниле

Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит.

Исидор Полусиот (Письмо к Кириллу)

Легко тому, чьё сердце не знает сострадания, но пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет жестокое мучение и оно начнёт терзать его тогда, когда он будет уже не в состоянии исправить свою вину. Огонь гиенский, по моему суждению, есть не что иное, как позднее раскаяние.

Исаак Сирий (сл. XVIII)

Полторы тысячи лет тому назад на Востоке, близ Синайской горы, жил в маленьком ските молодой человек, по имени Данила. Скит в тогдашнее время не был похож на нынешние русские скиты, где живут монахи, у которых есть храмы и готовое содержание. В старое время на Востоке скитом называли несколько хижин, – чаще несколько пещерок в горе, да вокруг тесное ограждённое место, где ютились три или четыре человека, собравшиеся по единомыслию, чтобы жить вдали от соблазнов. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своих рук. Церквей у них не было и не было

тоже и священников, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали в себе никаких драгоценностей, а располагались они часто близко к самому рубежу крещёной земли, чтобы иметь возможность научать христианской вере «варваров». Варварами называли некрещёных людей, которых было ещё много повсюду. Много их кочевало и в жарких степях близ Синая.

Порубежные скитники от варваров не скрывались, а, напротив, сами искали случая встречаться с ними, чтобы говорить им о благе, которое может миру дать Христово учение. Они старались убедить варваров, что Бог есть Отец всех людей и что воля Его заключается в том, чтобы все люди жили в любви и чтобы никто не делал друг другу никакого зла, а если кого обидят, чтобы он не мстил, но старался бы заплатить за обиду добром и победил зло любовью, ибо только одна любовь обнаруживает зло и побеждает его. Варвары же по дикости своей не понимали и не верили, что все люди равно достойны сострадания и что прощение обид может привести мир на землю. Они надеялись на силу и часто нападали на ближайших скитников, а как скитники были бедны и взять у них было нечего, то варвары забирали самих их к себе в неволю, угоняли в степи и там заставляли пленников стеречь своих коней, ослов и верблюдов, стричь овец и сушить навоз с бурьяном на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тот скит на Синае,

где жил Данила. Сколько здесь было старых людей – они всех перебили, а Данилу, как человека молодого и годного к работе, взяли с собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко в степь, а там приставили его караулить стада от зверей и от хищников.

Данила служил своим пленителям долго, научился ихнему языку и перекочевывал с ними с места на место несколько лет. Он их веру не порочил, а они не мешали ему верить по-своему и, замечая, как он живёт с ними честно, до того в нём уверились, что совсем не стали за ним смотреть, а во всём на него полагались, будто как на своего человека. Данила несколько раз мог бросить порученные ему стада, сесть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потом Данила стал замечать, что варвары как будто стали любить слушать, как он рассуждает по-христиански, и во многих суждениях начали сами и говорить, и делать с ним согласно. Стало Даниле и жить хорошо, и начал он понимать, что он живёт с чужими людьми не без пользы, потому что наводит их на хорошее исследование доброму учению. Но раз прискакал на своем коне один варвар, бывший на рубеже, и объявил, что крещёные прислали через него за Данилу выкуп и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что может вернуться к своим, но как остался он последнюю ночь в степи под шатром, стало ему жалко и варваров. «Вот, – думалось ему, – только что некоторые из них начали было по-доброму рассуждать и

поступать с другими милостивее, а вот я теперь уйду – они опять всё позабудут и обратятся к старинной злобе. Мне бы их беречь в добре, а я ухожу... Ведь это и есть моё дело, для которого я оставил дом и стал жить в ските, откуда пленён был». Но желание жить в обществе своих людей христианской веры всё-таки стало сильнее этих суждений, и Данила решился уйти. А варвары поделили между собою присланный выкуп, дали Даниле тыкву воды и белого пшена и послали двух верховых, чтобы проводить его до рубежа, откуда он без опасения может один идти к крещёным.

Данила благополучно воротился к себе за рубеж и стал жить прежнею скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: через полгода насккали на их скит другие темнолицые варвары и опять угнали Данилу в плен и заставили его сушить навоз для огня и сторожить овец, коней и верблюдов.

Даниле теперь гораздо досаднее сделалось, чем в первый раз, да и жить ему с этими варварами показалось хуже, потому что с прежними он был уже обвыкшись и они с ним были ласковее, а эти его не знали и не заботились о нём, а показали, что делать, и оставили без присмотра.

Он стал всё больше скучать и рассуждать, что варвары владеют им совсем неправильно, потому что он уже раз выкуплен, и, улучив удобное время, покинул всё, что ему доверено, и убежал. И опять благополучно перебрался за рубеж крещёной земли и пришёл в скит; но варвары скоро его

хватились, вскочили на коней, прискакали к скиту, всю ого-
рожу развалили, все пещерки поразметали и старых людей
побили, а Данилу опять в плен повели пешим, прицепив его
верёвкой за шею к верблюжьему седлу. Для того же, чтобы
Данила не останавливался, а скорее поспевал за верблюдом,
сзади его ехал молодой варвар и колот Данилу острым ко-
пьем в спину. Подвигался Данила немощными ногами, сте-
ная, и на след его по пескам капала его кровь.

Идучи за этим караваном, Данила вспоминал свои два
прежние плена и плакал, что ни в первый, ни во второй
раз над ним никогда такого свирепого тиранства не было, и
почувствовал он в себе против своих мучителей несносное
озлобление, особенно против того молодого сильного варва-
ра, который был чёрен как Мури¹ и ехал верхом на вороном
коне в самом хвосте каравана и подгонял Данилу копьем в
спину.

Поднимался против него в Даниле после каждого поране-
ния такой дух мести, что если бы сила его взяла, то он так
бы на этого варвара и бросился и убил бы его.

А озлобляющий Данилу молодой эфиоп всё едет в высо-
ком седле и белыми зубами скрипит, а глазами ворочает и
всё Данилу копьем колет.

Привели варвары Данилу на своё становище, где у них
шатры раскинуты и большой и мелкий скот пасётся. Тут они

¹ *Мури* – чёрный человек, эфиоп. В некоторых церковных книгах муринами называются также бесы (Иерем. XLVI, 9) (*Прим. автора.*)

слезли с коней, и жёны, и дети к ним из-под шатров выбежали, одни у них стали коней и верблюдов принимать и расседлывать, а другие пшено в котлах заварили, и вот все стали есть и Даниле варёного пшена на лопухе бросили, а сами разговаривают, что надо им это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здесь вокруг трава жаром спалена и скоту голодно.

Данила же, долго жив между варварами, понимал их разговор и думал: «ну, если завтра меня опять идти на ногах погонят, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьют меня мечом или пикою».

Но за ночь вышла перемена: тот самый чёрный варвар, который гнал Данилу, разболелся страшной горячкой, так что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другие сказали:

– Оставим их один шатёр здесь и пленника с ними. Прикуём ему на ногу колодку, и пусть он им тут работает, а жена пусть за мужем смотрит, пока он поправится.

Данила же радовался, что он отдохнёт и раны его хоть немножко заживут.

Так караван и отбыл, а один шатёр остался на старом месте и при нём конь, верблюд и осёл, и при них настороже Данила, а к нему за ногу приклепали на цепи толстое и тяжёлое полено, с которым насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, как и между крещёными, но непросве-

щёнными людьми, есть такие суеверные, которые будто в бога верят, а сами любят примечать приметы и выводить от них причины вещей по своим догадкам. Жене варвара привиделось во сне, будто Данила принёс им несчастье, и она сказала это мужу и детям, и стали вместе ещё жесточе озлоблять Данилу. А напослед эта варварка сказала своему мужу:

– Только ему и жить на свете, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, – то обещаюсь тебе, что я убью этого пленника, который принёс нам несчастье, и зарою его в песке у ног твоих. Это и будет за тебя отомщение.

Данила, как услышал это, так стал думать, что теперь ему делать? Время для размышления было очень коротко, а меч на его погубление близок и отточен на обе стороны. Прошел ещё день, и больному стало хуже, а вдобавок, в шатре не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эфиопка сама не пила и Даниле пить не давала, но при всём том всё-таки к вечеру осталось воды в запасном кубане на самом доньшке. Данилу не хотели послать по воду, чтобы он не ушёл, да он и не знал, где надо искать колодезь, а потому поднялась сама эфиопка. Взяла она горластый муравленый кубан на плечо, а грудного мальчишку подцепила покромкой за спину и пошла к колодцу, а колодезь от шатра был на полдня пути. За собою она повела также ослёнка с пустыми мехами, а за мехами к хвосту посадила на костреце старшую девочку. Данила остался один при шатре, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному

варвару. Больной же метался в жару и гневался без порядка, спрашивая с Данилы то одно, то другое, и прежде чем пленник успевал исполнить один его приказ, он ему заказывал другое наново. Данила и за верблюдом и за конём смотрел, и отмахивал камышовым листом острых жёлтых мух, которые садились на покрытое болезненным потом лицо эфиопа, и пёк для него в раскалённых камнях у поднятой полы шатра катышки из просяной муки. А жар палестинский такой, что и здоровому его нет силы вытерпеть, не только больному, и эфиоп всё просит пить, и когда всю последнюю воду выпил, то стал говорить, будто её выпил Данила.

В большом раздражении варвар потянулся, достал из накалённых камней один и бросил его горячий Даниле в лицо, а Данила же, не стерпев боли, схватил другой камень и так треснул им эфиопа по голове, что тот и не вскрикнул, а протянулся ничком и руки, и ноги врозь растопырил. Данила его приподнял и увидал, что у него уже язык в зубах закусился и один глаз выскочил и у виска на жиле мотается и на Данилу смотрит.

Данила понял, что эфиоп убит, и сейчас же подумал: «Ну, теперь мне пропасть, если я не скроюсь прежде, чем вернётся эфиопка!»

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногах прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Он положил колодную цепь на один камень, а другим стал

колотить по звеньям, и цепь разбил, а мотавшееся на ней тяжёлое полено с ноги сбросил; и сначала зарезал ножом верблюда, достал у него в брюхе воды. Вода была не мутная, но склизкая, как слюна, но Данила, однако, напился ею, а потом сел на варварова коня и помчался по пустыне. Нёсся он на коне в том направлении, в каком по его приметам надо было держать к крещёной земле.

Проскакал Данила по знойной степи весь день до вечера, не щадя скакуна, и сам ничего не ел и всё боялся: в ту ли он сторону едет, куда нужно? Ночью, когда вызвездило, он поднял лицо к небу и стал соображать по созвездию Ремфана: где рубеж крещёной земли, но в это время добрый конь арабийский под ним храпнул, затрясся и упал на землю, придавив Даниле голень ноги.

Данила едва выпутался и стал побуждать коня подняться, но он не поднимался. Зашел Данила ему с головы и видит, что у него ясный месяц в утомленных больших глазах играет и отражает, как один брат убивает другого.

Данила понял, что конь уже никогда больше не встанет, и пошёл дальше пешком.

Шёл он всю ночь и, мало заснув, на заре опять поднялся и шёл до полуденного зноя, и вдруг стал чувствовать, что ноет у него придавленная голень и изнемогают все его силы от усталости, от жажды и голода.

Пошёл он ещё через большую потугу, разнемогся ещё бо-

лее и упал с ног долой, и всё перед ним помутилось и в очах, и в разуме, и пролежал он так неизвестный час, доколе почувствовал прохладу и, раскрыв глаза, увидел над собою созвездие Ремфана и все другие звезды в густой синеве ночного аравийского неба.

Шевельнул Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушают, – только одна память ясно светит. Вспомнил Данила, откуда он ушёл и куда стремится и как он шёл из первого и из второго плена, и насколько последний, третий плен, был для него тягостнее; в первый раз он мог научить людей доброму, да ушёл и не научил а во второй раз доверия лишился, а в третий с ним уже обращались немилостиво и всё ему шло хуже до той поры пока он убил камнем варвара, зарезал ножом верблюда, задушил усталостью чужого коня и теперь вот он сам в таком положении, что его или хищный зверь растерзает или встречный варвар опять в новый плен возьмет, а там когда эфиопка возвратится в шатёр и увидит убитого мужа, то как она начнёт ужасно стенать, как будет биться и проклинать его, который сделал её вдовою, а детей её сиротами... А сам эфиоп лежит перед ним, как и прежде, растопырив руки и ноги, и косит на Данилу оторванным глазом. И сделалось от этого взгляда Даниле так жутко и страшно, что он поспешил закрыть свои глаза, но тёмный эфиоп в нём внутри отражается. Не грезится, не ропщет и о детях не тоскует, а только тихо устами двигает.

«Что такое он мне говорит?» – подумал Данила а эфиоп

В нём отвечает:

– Я, брат, теперь в тебе поживу.

После того опять забылся и опять через неизвестное время пришёл в себя Данила, и было это на вечерней заре, а первое, что он ощутил, это с ним вместе пробудился в нём и эфиоп.

Данила стал осуждать себя, зачем он убил эфиопа?

– Если бы не было это противно духу божию, не болел бы во мне дух мой и чёрный эфиоп не простёрся бы во всю мою совесть. Заповедь божия пряма «не убей». Она не говорит «не убей искреннего твоего, но убей врага твоего», а просто говорит «не убей», а я её нарушил, убил человека и не могу поправить вины моей. Учил я других, что все люди братья, а сам поступил как изверг, – освирепел как зверь и пошёл громоздить зло против зла, и сделал и убийство, и хищничество, и разорение, и соделал, что жена человека стала вдовой, а дети его сиротами... И за то я чувствую, что осуждён я в духе моём и приставлен ко мне простирающийся во мне истязатель. Встану скорей и пойду назад в пустыню, откуда бежал, найду шатёр варвара и его вдову и сирот, – повинюся перед нею в убийстве и отдам себя на её волю: если хочет, пусть обратит меня в раба, и я буду вечно трудиться для неё и её сирот, а если хочет – пусть отдаст меня на суд кровных своих, и приму от них отмщение.

Сказав это себе, Данила поднялся и пошёл на дрожащих ногах в обратную сторону, а эфиоп был с ним и говорил:

– Иди, Данила, на рабство и на казнь, – иди, не опаздывай, чтобы не было тебе ещё что-нибудь худшее, потому что ты убил человека, ты расхитил его имение и сделал жену его вдовою, а детей его сиротами. Не ищи оправдания ни в какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И ещё шёл Данила и увидал пададь загнанного им варварского коня, над которым теперь сидели орлы и рвали его внутренности...

Но сколько он дальше ни шёл – не находил ни шатра, ни верблюда, а стал чувствовать, что силы его оставляют и все следы и приметы пустыни в глазах его путаются.

Видит Данила вокруг себя махровые крины и белоснежные лилии, а между них человечьи и верблюжьи следы и туда и сюда по степи перекрещены во все стороны, и надо всем то свет сверкнёт, то вихорь завьётся, а в нём самом, в глубине его духа, будто тьма застигает всё и обнимает его эфиоп и валит его как ком в изветренную горячую пыль и сам в нём ложится и засыпает...

«О, горе! – подумал Данила: – это ведь ангел тьмы посылается в плоть мне! Какое есть от него избавленье?»

Не придумал он себе избавления и не скоро после этого открыл опять свои глаза Данила, а открывши, долго не мог опознаться: в каком он месте находится. Чувствует он в воздухе палящий зной, на небе горит огнём жгучее солнце, но он заслонён от припёка, – кто-то прибрал его в тень, – он

лежит на сухом тростнике под окопцем. В окопце прохладно за оградой из сложенных камней, по камням ползут жёлтые плети тыквы, а как раз против его глаз белый меловой срез и в нём узкий вход в меловую пещерку, возле входа сидит на коленях старичок и плетет руками корзинку.

Старичок как заметил его пробуждение – сейчас и заговорил ласковым голосом:

– Будь благословен Господь, возвращающий тебя к жизни. Сейчас я подам тебе воды.

Данила спросил:

– Как твое имя, авва?

– Имя мое «грешник», – отвечал старичок, – но не тревожь себя разговором, укрепись и тогда побеседуем. А пока знай, что ты находишься среди христиан на богощественной горе Синае, а это моя пещерка, где я прожил уже сорок лет, а привёз тебя сюда христианский караван, который поднял тебя сожжённого солнцем и лишённого чувств в дикой пустыне.

Когда же Данила обмогнул, он рассказал пустыннику всё, что с ним было, ничего не утаив, и выразил скорбь свою и жалобу: как мучит его совесть

– Я простой, бедный грешник и не умудрён, чтобы подавать советы, где нужно большое познание. Нас, неученых, стали теперь вразумлять патриархи. Иди в Александрию к Тимофею – он в сане великом и знает, как судить всякое дело.

Данила встал и пошёл в далекий путь в Александрию, где в ту пору сидел на патриаршем престоле Тимофей Элур.²
Данила пошёл к патриарху.

Патриарх был занят тем, как в это время стояли церковные споры Византии с римским папою, и, выслушав бедного пришлеца, сказал ему:

– Что ты напрасно нудишь себя и без дела докучаешь пустяками нашему смирению. Ты был в неволе насилием и в том, что ты убил некрещёного варвара, тебе нет никакого греха.

– Но меня мучит моя совесть – я заповедь помню, которую никого убивать не позволено.

– Убийство варвара к тому не подходит. Это не то, что убийство человека, а всё равно, что убийство зверя; а если боишься ответа – иди в храм убежный.

Но Данила искал не того и не утешили его слова Тимофея.

– Может быть, правду о нём говорят, что он не право держит учение Христово. Не пощажу трудов моих и пойду в Рим к папе, – он, верно, иначе рассудит и научит меня, что мне сделать.

Пришёл Данила в Рим и удостоился предстать папе, который собирался тогда в Византию и обдумывал: как согласить

² Аилодрос – вертун, перемётчик, вертихвост. Он был монофизит, но подделывался по обстоятельствам, к чему выгоднее представлялось (См. Церк. Ист. Гассе.) (Прим. автора.)

то, что ранее объявили за несогласное.³

Папа его выслушал и говорит:

– Тебе хорошо сказал патриарх александрийский, – я с ним в другом не соглашаюсь, а в этом согласен: убийство варвара – это совсем не то, что запрещено заповедью. Иди с миром.

– Благодарю твое святейшество, но только яви мне милость – укажи во святом Христовом Евангелии то место, где это так изъясняется?

– Для чего это тебе? Как ты смеешь не верить папе!

– Прости мне, – ответил Данила, – слух мой слова твои слышит и хочу тебе верить, но совесть не принимает: с часа убийства я вижу её в черноте эфиопа и через то не могу быть в мире.

Папа опалился на Данилу и сказал ему выйти вон.

Данила удалился, но всё чувствовал, что мира в нём нет, – что совесть его по-прежнему говорит то же самое, что внимал с первого раза в пустыне, и ни папа, ни патриарх его эфиопа не умыли.

«Нельзя мне так это дело оставить, – подумал Данила, – эти оба священства теперь сильно заняты другим – как им друг друга оспорить, но ведь, кроме их, есть ещё и другие патриархи, которые, может быть, иначе умствуют. Мне не

³ Папа римский упоминается в старых книгах, употребляемых в русском староверии, которое к «старому Риму» относится с уважением. (Прим. автора.)

сладить с собою и я себя не пожалею: пойду ко всем патриархам, в Ефес и в Иерусалим, в Царьград и в Антиохию. Который-нибудь из сидящих на престолах патриархов умудрит меня и скажет, как я могу убелить терзающего меня эфиопа.

Пошёл Данила в Ефес, добился свидания с тамошним патриархом и открыл ему об убийстве варвара и об ответах александрийского патриарха и римского папы и, кланяясь, сказал ему:

– Помилуй меня, святой отец, – дай мне средство утолить муки моей совести. Папа и святейший Тимофей тебе не указ, ты сам напоён божественной мудрости и зришь в тайны божии: капни каплю благоразумия твоего в мой бедный разум; скажи, что мне делать?

Ефесский патриарх отвечал, что он, конечно, имеет свой дар проникать в тайны смотрения, не пытая ума у Тимофея и папы, но на тот счёт, о чём Данила просит, он согласен и с Тимофеем, и с папою: убить варвара вовсе не противно учению христианскому.

– Вот я только в этом и хочу удостоверения: покажи мне это в слове Христовом?

Патриарх ефесский не показал, а сказал: «Что тебе ещё надо! Ты невежда», – и не захотел с Данилою больше разговаривать, а отпустил его, как и прежние, – с миром.

Отправился Данила в Царьград, в Иерусалим и в Антиохию и исповедывал свою совесть патриархам царьградскому,

иерусалимскому и антиохийскому, и все они, хотя об ином, чего Данила и понять не старался, рассуждали друг с другом не сходно, но насчёт убийства человека другой веры все были одного мнения: все сказали, что убить иноверца и обидчика это вовсе не грех, и что Даниле совсем не о чем скорбеть, что он убил варвара.

– Но что же мне сделать с эфиопом! Вы не знаете, как чёрен и смраден эфиоп, который живёт в моей совести, – говорил им Данила.

А они ему отвечали:

– Перестань мыть этого эфиопа, – это всё равно, что бороздить огонь и варить камни.

Данила не знал больше высокоосвященных владык и с горя решил идти в свой город, откуда был родом, чтобы предстать там своему князю и просить над собою суда за убийство.

И когда Данила лёг спать в эту ночь, он увидел в полусне совесть свою: она уже не была так черна, как мурин, а показалась ему смуглою как дитя, рождённое от эфиопки и эллина.

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродников, стал похаживать около княжего терема, с надеждою увидать кого-нибудь из княжеских отроков и просить их привести его перед лицо князя.

Отроки спали, а заметил Данилу княжий приспешник и

закричал на него:

– Что ты здесь, нетяг ленивый, болтаешься. Верно устал и оголодал от праздности и пришёл сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здесь нет для тебя лакомых снедей!

А Данила ответил:

– Я не ищу обонять очаги, чтобы насытиться лакомых снедей, и совсем не забочусь о моём внутреннем мешке. Если бы я хотел откармливать себя как птицу, жиреющую впотьмах неведения, я не обошёл бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приспешник подумал: быть может, это отец Мартиан, который в два года обежал сто шестьдесят четыре города, скрываясь от женщин, и всё-таки везде их находил, – и он закинул за плечи свой фартук и положил ложку, которую снимал пену, и сказал:

– Я, пожалуй, налью тебе сочного варева и отрежу печёного мяса, а ты съешь поскорей и расскажи мне: как ты от женщин бежал и как они за тобой гнались, и каким родом тебя соблазняли.

Данила ответил, что он ни взвара, ни мяса не хочет и женщины ему нигде жить не мешали.

– Так чего ж тебе нужно и зачем ты пришёл?

– Я убил человека и мучаюсь от этого в совести. Я уже обошёл всех патриархов и папу и всем каялся.

– Вот ты счастливец, сколько ты видел святыни. Это не то, что я, несчастный, верчусь у моего очага. Хочешь, я тебя

угощу крылом красной птицы, а ты мне скажи поскорей, что сказали тебе патриархи и папа?

– Они мне сказали, что на мне нет греха за убийство, но я этого не чувствую, и пришёл теперь к князю.

– А это ты и напрасно сделал, – сказал приспешник. – Я от природы охотник всё знать, и скажу тебе прямо, что если тебе не удовольнил своим прощением патриарх, носящий образ великого Марка, то может ли князь что-нибудь тебе сделать. Он тебе не простит убийства.

– Вот я того-то и желаю, – отвечал Данила.

– Ты хочешь получить смертное наказание?

– Я хочу получить то, чего я достоин, чтобы дух мой отстрадал свою вину и очистился.

– А это тоже любопытное дело: у князя есть судбищное место, где он садится и разбирает народ. Ты погложи здесь вот эту лепёшку, а я разбужу княжьих отроков и приду послушать, когда князь разберёт твоё дело: велит ли он тебя распять на дереве, или прикажет тебя отвести на потраву в зверинец.

Приспешник побежал сказать о Даниле княжим отрокам, а те взяли его, отвели к темничному стражу и велели держать под крепким караулом, пока князь захочет судить людей и тогда его потребует.

Набили Даниле на шею тяжёлую колодку и бросили его в яму надолго.

Дожидался Данила в яме княжьего суда не день, не два и не месяц, а много лет; во всё это время князь был то на ловах, то в боях, на пирах и в ристаньях, но, наконец, раз он воротился в свой стольный город и, всеми иными делами наскучив, захотел рассудить ожидавших его связней. Вышел для этого князь из терема и сел на своё место, а отроки начали подводить к нему одного за другим виноватых и сказывать на них вины, какими кто преступился.

Князь всех рассудил и приказал, кто кому должен заплатить и кого за какую провинность чем наказать надо, а когда дело дошло до Данила, то отроки о нём сказали:

– Этот старый человек, которого видишь (ибо Данила уже состарелся) – явился сам на твой суд по своей доброй воле. Он сказывает на себя убийство

Князь удивился, что Данила уже стар и слаб – так, что едва ли он мог с кем-нибудь сильничать и кого-нибудь убить.

А Данила ему отвечает:

– Это я состарелся, княже, от моего греха. Истерзала меня совесть, в которой я много лет волочу эфиопа, но когда я сделал убийство, я тогда был ещё молод. Дозволь рассказать тебе всё и рассуди меня, как бы я только вчера сделал мой грех.

– Хорошо, – сказал князь, – я тебе это обещаю.

Данила и рассказал князю всё и прибавил, как он ходил ко всем патриархам и к папе, и что они ему отвечали.

– Что же: неужели тебя это не облегчило? – спросил

князь.

– Нет, мне стало ещё тяжелее.

– Отчего?

– Оттого, княже, что я начал думать: не закрыли б от глаз наших слово Христово слова человеческие, тогда отбежит от людей справедливость и закон христианской любви будет им всё равно как бы неизвестен. Я боюсь соблазна и не ищу далее вразумления от освященных, а предстал пред тобою и прошу себе кары за смерть человека.

И Данила упал и простёрся перед князем на землю.

Князь же, взглянув на Данилу пристальным взглядом и вида на лице его слёзы и терзающую скорбь, отвечал:

– Старик, ты смутил меня. Давно не видал я того, что на лице твоём вижу: вот ты имеешь добрую совесть и я вижу, что её носить не легко. Рад бы тебе я помочь, но суда патриархов я отменять не могу, а, как князь, в своём смысле ещё нечто добавлю. Если бы ты убил человека нашего княжества и святой веры нашей, тогда я бы тебя осудил к платежу, или к казни на смерть, но как же я тебя осужу, когда ты убил врага-супостата, некрещёного варвара! Не они ли, скажи, делают из-за рубежа набеги на княжество наше, не они ли угоняют наш скот и уводят людей? Как же нам их жалеть?.. По моему, ты хорошо сделал, что убил одного варвара, а ещё бы лучше сделал, если бы убил семерых варваров, тогда бы ты от меня ещё большей хвалы был бы достоин.

Данила же, услышав это княжее слово, ощутил в груди сво-

ей живую бодрость и сказал:

– О, князь! хорошо ты говоришь об угнatom скоте, но жалко, что о забытом Христе плохо знаешь: меч изощраешь, мечом погубляешь и сам от меча можешь погибнуть.

И стал Данила вдруг горячо говорить из Христовых словес о врагах, и так пронял всех, что князь поник головою и всё его слушал, а потом сказал:

– Иди, авва, слово твое верно, да в нас не мститися, ибо наше благочестие со властью сопряжено и страхом ограждается, – и, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошёл к себе в терем, а отрокам своим велел хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочет. Но Данила велел сказать поклон князю, но ни хлеба ни соли есть не стал и одежды не принял, и не пошёл в город, потому что там все в заботах как в волнах на тонувшем корабле заливаются, а пошёл за город, как был, в своём рубище. Пройдя много, он очутился в далёком, безмолвном и возвышенном месте, откуда перед ним открывалась безбрежная степь. Душе Данилы здесь стало легче, чем было в Риме и в Византии, и перед судилищем князя; жизнь его быстро пробежала теперь перед ним, как скороход на площади, и он всю её снова увидел. Он припомнил, как отбежал бодрый от рук матери, а до теперешней черты достиг утомлённый, и на зло себе слышит, что всё его горе совсем будто и не горе, никто его не осуждает за то, что он убил человека иной веры и иной державы, а ещё все ему в ладоши плещут, но зато эфиоп его своего

места держится: он только мало посветлел, но сидит в нём по-прежнему.

– Немилосердный ты! – воскликнул, ударив себя в грудь, Данила. – Куда я тебя ни носил, кому я тебя ни показывал, никто мне не дал средства убелить твоё безобразие: чего же ты от меня хочешь?

А эфиоп ему отвечал:

– Слепец ты, бедный Данила! Как это ты во столько лет не умел узнать: кто тебе друг и кто недруг? Я твой друг, потому что я не даю тебе покоя, а ты себе враг, потому что ты ищешь забыть меня. Без меня ты мог бы остаться с оболщением, которое бы тебя погубило.

Данила подумал и понял, что гнетущую его совесть за правду надо считать не за кару неумолимого бога, а за доброе напоминание, не допустившее Данилу до лёгкого усыпления себя, и он обрадовался и, заплакав от счастья, воскликнул:

– Как благ ты, о боже, меня наказуя! Но где же, о где взять исцеленья тому, кто угасил светильник жизни, не им запаленной?

– Как пролитой на землю воды не сберёшь обратно в кувшин, так не возвратишь и жизнь тому, у кого её отнял, – прозвучал эфиоп. – И ты должен был это знать и, сделав зло, не тратить силы и время на разговоры, а должен был делать дело.

– Но что же я могу делать?

– Смотри не так высоко, а пониже.

Данила встrepенулся и стал вглядываться вдаль по земле. Опять он видит ту же сухую степь, но зато впереди себя, и невдалеке, замечает что-то ни на что не похожее. Лежит что-то такое не имеющее вида, – что-то одного цвета с пылью, не живое и не мёртвое, – будто как ком земли, а меж тем содрогается.

Данила встал и пошёл к этому неподобию и увидел зловонного прокажённого человека, у которого уши и нос, и персты на руках и ногах – всё отпало, и череп обнажился, и глаза выпали, – а зияла только одна пустая пасть на месте рта и оттуда исходит невыразимый смрад и сиплое шипение.

«Кто его сюда занёс и кто его здесь поит и кормит? – подумал Данила. – Но пока не вижу того, кто о нём заботится, пойду, принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскал Данила воды и принёс в пригорошнях и с ужасом стал вливать её в пасть прокажённому, а потом остался ждать того, кто придёт и уберёт его на ночь. Но никто не приходил, а меж тем спустилася тьма и сделался резкий холод, и прокажённый начал ёжиться и щёлкать пастью. Это было так страшно, что не только сердце, но все кости в Даниле затрепетали, и он вдруг понял, что ему надо делать, и сказал себе:

– Вот мне урок и работа. За то, что я смел считать бога бессильным изменить к добру живую душу варвара и убил его, я должен отдать мою жизнь тому, кто без надежды страдает. Стану служить этому безнадежному трупу, доколе в нём тлеет угасающий уголь его жизни.

И Данила снял с себя, какое на нём было, ветхое лохмотье и одел им прокажённого, а сам остался голый. Потом он опять нашёл воду и ещё раз напоил больного из своих ладоней; потом отыскал в глине ущелинку, раскопал её пошире руками и снёс туда прокажённого. К телу Данилы прилипали струпья и гной прокажённого, но ему не было скверно и он не боялся заразиться. Он нашёл дело и стал жить около прокажённого, ходя днём на торг, на подёнщину, а ввечеру приносил прокажённому пищу. Так и шло, пока узнали, что он общается с прокажённым, и не стали его пускать в город. Тогда он насеял бобов, они скоро выросли, и Данила, и прокажённый – оба ими питались.

Когда же прокажённый совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял, что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех, убив варвара, но теперь он был уже стар и не мог принести людям такой пользы, какую мог бы приносить в хорошей поре своей.

– О, Данила! Данила! – сказал он себе, – не драть бы тебе взоры высоко, а давно глядеть бы по земле, да искать, кому ты мог быть полезен. А теперь вот и издыхай как старый пёс: ты уже никому ни на что не годишься.

– О, авва, авва! Как я тебя ищу, и как ты мне нужен! – прозвучал к нему голос, и Данила увидел перед собою юношу в пышной одежде.

– Авва, – начал он: – я пришёл к тебе издалече: я был большой грешник.

– Что же делать. Исправься.

– Да, я узнал, в чём ученье Христа, и хочу жить по его примеру.

– Ты блажен, – отвечал Данила.

– Я расстался с людьми и пришёл к тебе, чтобы быть твоим учеником.

– Если тебя коснулася любовь Христа, то тебе уже непристойно быть ничьим учеником.

– Так ты, по крайней мере, хоть однажды поруководи меня.

– Хорошо. Только будь мне послушен.

– Ей, авва, буду.

– Оставайся при одном учении Христа и иди служить людям.

Примечания

Впервые – газета «Новое время», 1888, 3 февраля, под заглавием: «Две легенды по старинному Прологу. 1. Совестьный Данила». Второй легендой, возможно, должна была стать напечатанная два месяца спустя «Прекрасная Аза». Однако она не получила никакого номера. Первая публикация легенды «Совестьный Данила» имела примечание автора.

«При обозрении книг древних Прологов, с целью определить содержащийся в них повествовательный материал, которым нынче интересуются, я нашёл в этом старинном источнике ровно сто тем или «прологов», более или менее удобных для литературного воспроизведения. Из них здесь предлагается для образчика два свободные пересказа, – один в духе простонародных рассказов Л. Н. Толстого, а другой – в ином роде. Лица, выведенные в обоих сказаниях, или «повестях», отнюдь не почитаются за святых, а истории их в старое время предлагались только как занимательное и назидательное чтение – «с целью наказания духовного». Это просто «рассказы о благочестных и нечестных людях» (см. «Великое Зерцало». М., 1884). Читатель не должен забывать, что такие легенды отнюдь не имеют за собою в наше время церковного авторитета, а, напротив, они даже подвергались насмешке со стороны теологов, так, например, Феофан Прокопович в «Духовном регламенте» прямо называет их «без-

дельными и смеху достойными повестями». Из сборников, имеющих отношение к «Великому Зерцалу», заимствовали некоторые сюжеты Шекспир, Боккаччо и Гоголь, повесть которого «Вий» возникла, очевидно, из легенды, помещённой в «Великом Зерцале» под заглавием «Как демоны волшебницу извлекаша из церкви, в ней же погребена бысть» (см. исследование Владимирова по истории русской переводной

В основу повести положен сюжет древнерусского Пролога от 7 июня.

Исидор Пелусиот – причисленный к лику святых христианский писатель IV в., ученик одного из отцов церкви, прославленного проповедника Иоанна Златоуста.

Исаак Сирин (Исаак Ниневийский; VII в.) – сирийский религиозный писатель, епископ, автор многочисленных философско-богословских сочинений, направленных против несовершенства человеческой природы и отмеченных психологизмом и внутренней сосредоточенностью.

Ремфан – Сатурн, которому поклонялись скитавшиеся в пустыне израильтяне (Книга пророка Амоса, V, 26 и Деяния св. Апостолов, VII, 43).

Заповедь Божия пряма: «не убей»... – 6-я заповедь Божия (Исход, XX, 13).

...ангел тьмы посылается в плоть мне! – «Ангел сатаны» внедрялся как жало «в плоть» человеческую, дабы человек «не превозносился чрезвычайностью откровений» (Второе

послание св. апостола Павла к Коринфянам, XII, 7).

Авва (древнеевр.) – отец.

Тимофей Элур – александрийский патриарх, принадлежавший к монофизитам, трактовавшим двойственность природы Христа-Богочеловека как поглощение человеческого Божьим, что было осуждено как ересь в 451 г. Халкидонским собором.

Гассе, Фридрих-Вильгельм (1813–1889) – немецкий профессор-богослов, автор трудов по истории вероисповеданий.

Приспешник – прислужник.

Нетяг ленивый – тавтологический оборот, построенный на заимствовании Лесковым из «Лексикона славеноросского» (1627) Памвы Берынды, где пояснено: «нетяг: ленивый».

...патриарх, носящий образ великого Марка... – то есть названный именем св. апостола евангелиста Марка.

...мечом погубляешь и сам от меча можешь погибнуть... – неточная цитата из Евангелия от Матфея, XXVI, 52.

Не местится (церковнослав.) – не вмещается.